

Константин КОМАРОВСКИХ

ДВА ФРАГМЕНТА МОЕГО МАРИИНСКОГО ДЕТСТВА

Множество писателей, очень знаменитых и не очень, описывали своё детство. Я себя не отношу даже к «не очень». Я просто старик. Но детство у меня, как и у «знаменитых», тоже было, так же, как оно было у всех. У большинства, видимо, судя по их воспоминаниям, светлое и радостное. А у кого-то не очень радостное. Мало вероятно, что переселенец из Донбасса десятилетний Колька Пичугин будет с восторгом вспоминать, как убило осколком снаряда его друга Сашку, а соседу дяде Пете оторвало руку. Слава богу, в моём детстве такого не было. И хоть гремела страшная война в мои ранние годы, и хоть остался где-то там, очень далеко, не известно даже где, на той войне мой отец, на наших огородах в те годы не разорвался ни один снаряд. Рвались они много раньше, в гражданскую, когда в этих огородах на берегу моей родной реки Кии были вырыты окопы красных, а с Арчекаса их обстреливала дальнобойная артиллерия белых. Кстати, траншеи белых, сделанные по всем правилам, глубиной в человеческий рост, обшитые досками, мы имели возможность наблюдать, уже будучи совсем взрослыми, на том самом Арчекесе. Не знаю, сохранились ли они по сей день. А в домах наших старых мариинских мы в годы моего детства находили разное оружие той бессмысленной братоубийственной бойни, итогами которой страшно гордились по-

бедившие большевики. Сколько тогда было убито всякого разного российского народа (русских, татар, евреев и хотелось процитировать Маяковского – разных прочих шведов, но шведов-то тогда особенно не били, их били раньше, под Полтавой, например), а били всех подряд, не спрашивая особенно национальность. У меня до сих пор хранится солдатский кинжал, огромный, чуть изогнутый, в простых ножнах, отделанных латуной. Сделан был в Златоусте в 1917 году, что подтверждается выбитой на его лезвии надписью. Кстати, сталь у этого кинжала отменная. Мы по своей детской глупости пытались рубить этим кинжалом каменный уголь (мы думали тогда, что это сабля). Ни одной зазубрины на лезвии не оставило это варварство! Умели ковать сталь наши не очень уж и далёкие предки... А ещё был настоящий, классический кинжал с рукояткой из слоновой кости, в ножнах, покрытых бархатом, который я в возрасте десяти-одиннадцати лет нашёл на чердаке «избушки» – маленького домика во дворе, который был когда-то мастерской моего деда – сапожника. Небрежно, видимо, сделали обыск сотрудники НКВД, когда арестовывали в 1937 году моего деда, к тому времени почти полностью глухого и больного туберкулёзом, за подготовку к вооружённому восстанию. На лезвии этого кинжала тоже была выбита какая-то надпись, но на иностран-

ном языке. А я тогда никаких иностранных языков не знал, поэтому не могу сказать, где был произведён этот кинжал. Бабушка моя, царство ей небесное, заметив мою большую заинтересованность этим кинжалом, выбросила его в речку. И правильно сделала, как я теперь понимаю. Ведь рос я в беспокойном городе, где «мазу держала» освободившаяся из лагерей и осевшая там «блатота». И время было послевоенное, беспокойное. Помните, у Высоцкого – из напильников делали ножи. А во дворе нашего дома долго валялся четырёхгранный русский штык с отломанным кончиком. Кто и когда отломил этот кончик, неизвестно. Может, он отломился, упёршись в человеческую кость, когда этот штык был применён по своему прямому назначению, а может, какой-то мальчишка пытался им что-то твёрдое открыть. Нашёл я в упомянутой избушке также сломанный двуствольный маленький пистолет, тоже с какой-то иностранной гравировкой. Мальчишки говорили, что это пистолет женский. Не знаю, производились ли когда-нибудь специальные женские пистолеты. Вряд ли. По крайней мере, в многочисленных фильмах о революции и Гражданской войне все комиссары-женщины были вооружены куда более серьёзным оружием. Вспомните хотя бы знаменитую песню о Мурке – из-за пояса торчал наган.

Память человеческая весьма несовершенна. Спустя много лет вспоминается иногда всё в целом, при этом всё будто в тумане, подчас даже как-то извращённо, сказочно. И понимаешь, когда начинаешь анализировать эти воспоминания, что ошибаешься, что так, как тебе вспоминается, не может быть в принципе, не может быть даже теоретически. Так, мне почему-то вспоминается, что в мои детские годы летом стояла всегда дикая жара (и это в Сибири!) А лето было длинным-длинным, бесконечным. И даже дождь был всегда тёплым на ощупь. В дождь и страшный ветер, когда скрипели и ломались под его силой деревья, для меня, двенадцати-тринадцатилетнего тогда, любимым развлечением было бежать на речку и бросаться в её волны, которые серьёзно, почти как в море, с шумом рвались на берег. Не знаю, почему, но я чувствовал себя

в эту шальную погоду абсолютно счастливым. Никто, правда, это счастье не мог увидеть и разделить мой восторг жизнью, так как ни один «нормальный» человек в это время на берег не выходил. Слова «экстрим» я тогда не знал, узнал его только много позже. Но, видимо, моя мужская природа гнала меня в эти волны. Это было моим тогдашним экстримом.

А какие-то конкретные события вспоминаются отрывисто, фрагментарно. Память выхватывает куски прошедшей нашей жизни, порой хорошие, порой не очень хорошие, а подчас и совсем нехорошие. Не будем о грустном, как принято говорить, и остановимся на «хороших» кусках моей памяти детства. Детства трудного, полуголодного даже здесь, в Сибири, которая была в ту великую войну глубоким тылом. А что говорить о детстве, по которому пролязгли гусеницы фронта!

Но простите старика – отвлёкся от темы, расчувствовался. А собирался ведь показать только два фрагмента. Вот они.

Фрагмент первый.

Непреднамеренная охота

Термин «непреднамеренный» – понятие, используемое в юриспруденции (непреднамеренное убийство, например). К охоте это понятие, казалось бы, не имеет отношения. Однако обо всём по порядку.

Как уже было рассказано, вырос я в небольшом старинном городе Мариинске, расположенном на северо-востоке Кузбасса. Город этот известен тем, что в его окрестностях (Берикуль, Макарак и т. п.) во второй половине девятнадцатого века разразилась настоящая золотая лихорадка, почти как в Америке золотых времён. К началу двадцатого века в этих местах функционировало более тысячи золотых приисков. Ну, а где золото, там и преступность. Может быть, поэтому, а может, и не поэтому, но в те годы в маленьком городке Мариинске было две больших тюрьмы, одна из которых прекрасно сохранилась до наших дней и используется по своему прямому назначению. А в советское время в городе и районе появилось бесчислен-

ное количество лагерей, из которых пионерские были в явном меньшинстве. Если более точно сказать, лагерь был один. Назывался он «Сиблаг», а по району, по деревням, были разбросаны многочисленные его подразделения – лагпункты. Разные люди были сидельцами этих «непионерских» лагерей. В том числе и серьёзные. Побег эти серьёзные люди совершали нередко. Об этом почему-то становилось сразу известно и вольному населению города.

Вы спросите, какое это всё имеет отношение к охоте? Имеет. Я уже не говорю, что на беглых устраивалась охота с огнестрельным оружием (автомат ППШ, чуть позже АК-47) и собаками (немецкие овчарки). Речь идёт о конце сороковых – начале пятидесятых годов прошлого теперь уже века. Непосредственно эту охоту я не видел, врать не буду. Но приготовления к ней и начальный этап, если так можно выразиться, видел много раз. Дело в том, что я жил тогда на берегу реки Кии, через которую ходил паром. На этом пароме в числе прочих пассажиров переправлялись грузовики с заключёнными под охраной солдат НКВД и овчарок – это нормально. Они поехали на работу. Но когда в кузове полуторки сидели только солдаты и собаки – это, мы знали, побег. Охотники поехали за дичью. Сбегали заключённые часто на Арчекас – небольшие горы, точнее, холмы поблизости от города – отроги Кузнецкого Алатау. А в восточной части этого гористого массива находился карьер, где добывали гравий для железной дороги, с небольшим посёлочком для своих рабочих. Место абсолютно райское: холмы, увалы, переходящие в равнину, красивая, быстрая здесь река, множество искусственных озёр – забоев, как их там называли. Озёра эти образовались после выемки грунта и прекрасно вписались в окружающий пейзаж. А если учесть, что озёра эти заселились рыбой (никто, кстати, её специально туда не запускал, не до того было в те суровые и очень бедные годы, икринки, видимо, занесли птицы), то можно понять, что в наше время туда приезжают на отдых множество людей. Природа тамошняя, правда, от нашествия людей не выиграла. В описываемое же время там было довольно дико, люди появлялись

там крайне редко. Об «отдыхе на природе» тогда никто и не помышлял из-за всеобщей бедности. Рыбки поймать на уху или утчонку добыть на суп – этим иногда занимались некоторые жители крошечного поселка. А ещё эти жители ходили по ягоду. В основном по смородину и черёмуху. Ах, какие там были черёмушники! Высота их кустов (или деревьев?) иногда доходила до нескольких метров. Что-то похожее я видел только раз, когда через много-много лет охотился на реке Омке, в южной окраине Васюганья.

В посёлочке, который так и назывался Карьер, у меня жили родственники. К ним мы и пришли с моим товарищем, намереваясь набрать черёмухи. Однако наше желание осложнило сообщение сарафанного радио о сбежавших в эти места двух опасных преступниках. Родственники мои, естественно, стали отговаривать от похода за ягодой. Но мы были очень смелые ребята, не боялись мы никаких преступников. Во-первых, мы занимались спортом и даже, как нам казалось, боксом, поэтому считали себя очень сильными. Во-вторых (и это, видимо, самое главное) нам было по тринадцать лет, а в этом возрасте большинство мальчишек очень смелые, так как жизнь еще не успела их ни разу хорошенько потрепать. В общем, никакие доводы родственников не возымели успеха. Не зря же мы притопали сюда за пятнадцать километров от города!

Родственники, поняв, что переубедить нас невозможно, решили нас вооружить на случай встречи с неприятелем. Как они представляли себе эту встречу, я не знаю. Но дядька – охотник, участник войны – вручил мне курковую двустволку шестнадцатого калибра и два латунных патрона, заряженных дробью. Показал, как пользоваться этим оружием. Наказал, зря патроны не жечь. Стрелять только в случае крайней необходимости. Правда, не сказал, на поражение или нет. Я, взявший ружьё в руки впервые в жизни, был страшно горд, что мне доверили настоящее оружие, и даже благодарен тем сбежавшим преступникам – иначе кто бы дал мне с собой по ягоду ружьё! Наверно, страсть к оружию у мальчишек в крови. Иначе как понять, для чего мы делали так называемые под-

жиги, описанные много раз. Поэтому не буду останавливаться на рассказе об их устройстве. Скажу только, что было два вида поджиг: самое, как теперь говорит молодежь, клёвое устройство – пистолет, стреляющий чем-то типа дроби (рубленые гвозди, например). Второй вид примитивнее – в трубку большого ключа от дома вставлялся загнутый определенным образом гвоздь. В трубку засыпалось пять-шесть размолотых спичечных головок. Гвоздь выполнял роль бойка, а боевой пружиной служил кусок резинки (например, простите, из трусов). Когда оружие было готово, оно отводилось на вытянутую руку, пальцы нажимали на растянутую резинку. При этом гвоздь силой упругости резины ударял в спичечный фосфор, и происходил выстрел, то есть небольшой хлопок. Все оставались живы, удовольствие же при удачном выстреле трудно описать. Однако это оружие часто давало осечку, что очень печалило стрелка. Подсыпалось еще две-три головки, попытка повторялась. Но такие забавы далеко не всегда заканчивались благополучно. Как-то раз мы с товарищем занимались описанным выше делом. Собственно, занимался товарищ, старше меня на пару лет. У него всё было сделано, как говорят теперь, по уму. А я, несмышлёныш девяти тогда лет, лишь с завистью смотрел на его геройские действия. В тот раз почему-то у моего оружейного конструктора дело не клеилось. Спички никак не хотели взрываться. Товарищ мой подсыпал взрывчатку – опять ничего, он еще раз подсыпал – опять никакого толку. Забыв про осторожность, он истратил с полкоробка. И наконец, грянул выстрел, да такой, что оглушил нас. При этом разорвало ствол оружия, а заодно и большой палец стрелка. Кровь текла, как мне показалось тогда, рекой.

– Генка, в больницу надо, – кричу я ему (то ли тогда я уже предвидел, что стану хирургом?!). Но мужественный Генка, не проронивший ни одного стога от нестерпимой боли и не испугавшийся собственной крови, от этого предложения отказался:

– Мать меня убьёт, если узнает.

За что должна была убить его мать – за разорванный палец или за истраченные довольно дорогие в послевоенные

годы спички – я так и не узнал. Но не убила, так как Генка вырос и стал горным инженером. Кстати, случайно встретившись лет через двадцать после этих приключений, я едва его узнал – Генка Щелкунов, по прозвищу цыган, так как был от природы чёрен и худ, видимо, от недоедания, Генка, который выступал за нашу школу по бегу с барьерами, превратился в толстого обрюзгшего человека не первой молодости, хотя было ему тогда чуть больше тридцати. Видимо, большие зарплаты воркутинских шахт, где он работал, сделали свое неблагодарное дело. И потом я замечал на примере многих своих знакомых, что спортсмены, резко бросившие спорт, безобразно толстеют.

Генка бросился к речке, на которую выходили наши огороды (а дело происходило именно на огородах, там происходили вообще все наши самые серьёзные дела). Вода окрасилась кровью. Кровотечение казалось мне бесконечным. Но всё в жизни конечно. Я, правда, тогда этого не знал и о конечности жизни не задумывался. Да и, видимо, противостоит это, когда девятилетний ребенок думает о своем конце. Кровотечение прекратилось. Вода в реке стала прозрачной, как всегда. Генка убежал домой. Как он объяснялся с матерью, я не знаю.

Переночевав, рано утром мы выступили в поход. Я гордо нёс на плече ружье (впервые в жизни!). Середина августа в южной Сибири чаще всего бывает приятной и красивой. Уже нет изнуряющей июльской жары, но и не наступила ещё унылая и холодная пора, которую великий Александр Сергеевич называл очей очарованьем. Деревья и кусты стоят в своём гордом зелёном великолепии. Однако если присмотреться, можно увидеть отдельные желтые листики на берёзах – предвестники приближающейся осени. Так, сорокалетняя красавица, еще полная сил и желаний, как обычно прихорашиваясь перед зеркалом, вдруг замечает несколько сединок в своих шикарных волосах. Печаль омрачит её чело пониманием в принципе известного ей утверждения, что молодость не вечна...

Мы отошли от поселка километра три. Мест мы, естественно, толком не

знали, поэтому ягоды набрали не очень много. Никаких преступников мы не встретили, обороняться было не от кого. А вот ружьё стало уже почему-то весьма ощутимо давить на плечо. Как-то и гордость от временного обладания оружием куда-то убежала по причине усталости от этого оружия. Время шло к полудню, стало припекать солнышко, усиливая нашу усталость. Уже перестала интересовать и ягода, и возможная встреча с неприятелем. Просто хотелось прилечь где-нибудь в холодке. Но здесь это было сделать невозможно – на солнце жарко, а в тени кустов полчища мелких кусачих врагов, более страшных для нас в тот момент, чем сбжавшие эски. Дорогу домой (то есть в поселок, откуда вышли) мы знали весьма приблизительно. Но хозяин ружья, дядя Миша, научил нас ориентироваться по солнцу. Идешь туда – солнце греет правую щеку, пошёл обратно – левую. Благодаря такой точности в ориентировании мы шли обратно несколько часов. По пути наткнулись на озеро, именно на природное озеро, мелкое у берега, в отличие от упомянутых выше забоев, где глубина начиналась сразу. Метрах в двадцати от берега плавали две утки. Что это за утки, мы не имели ни малейшего понятия. Знали только, что не домашние, так как рядом никаких строений не видно. О сроках и правилах охоты мы, естественно, тоже ничего не знали. Да и существовали ли тогда эти сроки? Не знаю. Видимо, формально существовали. Но сибирские жители руководствовались больше здравым смыслом. Зачем бить тощего утенка, если через пару недель он станет толстым? Да и патроны тогда представляли большую ценность. Порох и дробь было очень трудно «достать», как говорили ещё очень долго в советские годы об очень и очень многом.

Утки спокойно плавали, не обращая на нас никакого внимания. Видно, никто их ещё не пугал. Я никогда до этого охотой не занимался, упомянутые выше поджиги трудно назвать настоящим оружием, да и делали мы их не для охоты. Это было «искусство для искусства», как говорили во времена моей ранней молодости наши учителя о произведениях некоторых живописцев. В применении к данному случаю это было оружие ради

оружия. Мы никого не намеревались лишить жизни, даже маленькую птаху. Интересен для нас был именно сам выстрел. Хотя настоящих выстрелов из настоящего оружия никто из нас к тому времени не слышал. Ибо к охоте приучать нас было некому. Мы, как и миллионы других мальчишек того печального времени, были «безотцовщиной». Отцы наши навсегда остались там, где очень много стреляли.

Товарищ мой не обратил на уток никакого внимания. А я... Я почему-то заволновался. Не иначе, генетика вдруг заиграла во мне. Хотя тогда, кроме того, что генетика да всякая там кибернетика – лженаука и продажная девка империализма (так нам рассказывали в школе), я ничего про эти дела не знал, а эта самая генетика существовала. И ей было наплевать, как ее называют сторонники «академика» Лысенко. Она работала вне зависимости от мнений и пристрастий политических лидеров даже такой огромной империи, как Советский Союз. А генетика у меня в этом плане была мощная. Все мои деды и прадеды были заядлыми охотниками. Об этом я знал по многочисленным рассказам выросшей и воспитавшей меня бабушки. Непосредственного знакомства с этими родными охотниками у меня не получилось, так как прибрали этих простых сибирских мужиков известные страшные внутренние политические события много раньше отпущенного им природой времени. Поэтому научить охоте меня они не могли, но кровь их, наследственность их, сказалась во мне в полной мере. Вот, видимо, именно тогда и произошел первый всплеск влияния этой наследственности.

И я начал скрадывать уток. Делал я это, видимо, очень неумело. Но утки проявляли удивительное спокойствие и выдержку, подпустив на выстрел. Я встал во весь рост и поднял ружьё. Звук взводимых курков показался мне чрезвычайно громким. Но утки попались то ли глухие, то ли уж совсем глупые – они не обратили на этот звук никакого внимания. Я начал целиться, как понял я из пятиминутного инструктажа, который провёл с нами дядя Миша. Волнение моё трудно передать. Руки дрожали, я весь покрылся липким потом. Боялся прома-

зять, ведь дядя Миша наказывал зря патроны не жечь. А человек я уже тогда был дисциплинированный, да и уважал я своего кратковременного наставника. А уважать было за что. Первым и, видимо, основным качеством этого человека, кстати не кровного моего родственника (он был мужем моей двоюродной тётки), была доброта. Кто бы еще доверил двум неопытным мальчишкам большую, особенно по тем временам, ценность – ружье?! Я до сих пор добрым словом вспоминаю этого замечательного человека.

Долго стоял я с поднятым ружьём, не решаясь нажать на спусковой крючок. Руки заняли от усталости и напряжения, глаза уже не видели ни мушки, ни уток. Я опустил ружье. Курки при этом я, естественно, не спустил – не знал, как опасно ружье со взведёнными курками. Я вытер ладонью пот и посмотрел на уток. Их мои переживания абсолютно не трогали. Они продолжали потихоньку плавать, изредка ныряя за кормом.

Я поднял ружье вторично. Тут уже не выдержал мой товарищ:

– Ну, что ты! Стреляй!

Я нажал на спусковой крючок. Грохнул выстрел. Мне показалось, что это выстрелила пушка. Хотя пушечный выстрел я слышал только в кино, мне почему-то так показалось. Ружьё довольно больно ударило в плечо. Всё озеро заволочло дымом со специфическим запахом. Это не было запахом сгоревших спичечных головок, это был запах пороха. Запах этот ещё больше усилил наше волнение. Мы впервые в прямом смысле понюхали пороху. Может, конечно, это всего лишь совпадение, а, возможно этому выстрелу придать и символическое значение. Во взрослой жизни каждый из нас пороху нанюхался предостаточно – товарищ мой стал офицером, а я охотником.

Когда дым рассеялся, я увидел, что утка осталась всего одна. Она была в какой-то неестественной позе и только изредка шевелила одним крылом. Я понял, что попал. Теперь к моему волнению присоединилась радость, и даже гордость успехом. Не зря мне дядя Миша доверил ружье! Пусть не встретили мы никаких бандитов (слава богу, говорю я

сейчас), зато успешно поохотились. Однако утка ещё не была у нас в руках. Её ещё надо было вытащить. Мы постояли, подождали, надеясь, что ветром утку поднесет к нашему берегу. Но, увы, ветер переменялся, утку стало потихоньку относить к противоположному берегу. А к нему подойти было практически невозможно, так как озеро было большое, да и берег тот зарос такими кустами, что через них не продерёшься. Я внимательно посмотрел на воду. Около берега было совсем мелко, да и дальше вроде бы дно просматривалось. Как я уже говорил, ребята мы были смелые, да к тому же выросшие на берегу реки, то есть мы хорошо плавали и не боялись воды. Разуваться было неохота. Мы были обуты в кирзовые сапоги, в которых тогда ходили очень многие, и в которых каждому из нас пришлось впоследствии протопать всю армейскую службу. Исходя из этих соображений, я смело вступил в воду. Однако через несколько шагов мне стало страшно – ноги увязли в густом придонном иле. Я не мог шагнуть, не мог вытащить из ила ногу. Остановившись, я поглядел на своего товарища. Тот спокойно стоял на твёрдом берегу, ничего не подозревая. Я попытался вытащить ногу – ничего не получалось. Получалось совсем наоборот – мои ноги провалились уже выше колена. Тут уж не до бравады.

– Венка, тащи меня!

Товарищ чуть шагнул в воду и все понял. Мы тянули друг к другу руки, но их длины не хватало для соединения.

– Давай какую-нибудь палку!

Но никакой палки поблизости не было.

– Вытащи из ружья патрон и подай мне стволы!

Руки были мокрые, стволы оказались скользкими, ничего не получалось. А ноги мои постепенно увязали все больше. Да и схватиться мне удалось только за самый конец стволов, около мушки. Венка сделал шаг ко мне, пытаясь сократить расстояние. Но ногу его тоже стало засасывать.

– Давай на берег, а то и ты утонешь!

Венке кое-как удалось вытащить из этого природного капкана свою ногу. А я упал на живот и исхитрился схватиться за ружейный ремень. Теперь все за-

висело от венкиной силы. А силы у него оказалось достаточно. Он вытащил меня на сушу. Весь мокрый и абсолютно грязный, я стоял на сухом берегу и грустно смотрел на злополучную утку, которую уже почти прибило ветром к противоположному берегу. Впрочем, было уже не до утки. Хорошо, хоть сапоги не свалились в этой спасательной операции – неприятностей было бы ещё больше.

А ведь мы ходили по ягоду, никакого намерения поохотиться у нас не было.

Фрагмент второй.

Тюрьма

Я познакомился с тюрьмой в раннем детстве. Не подумайте, что я там родился (хотя такое скорее не редкость, особенно в описываемое время). Всё объясняется очень просто. Я уже рассказывал, что в моём родном маленьком Мариинске было две больших тюрьмы – функционирующая и по сей день, и та, которой сейчас уже нет, но живописные развалины которой, находящиеся в центре города, будоражили наше мальчишеское воображение, казались нам развалинами какого-то таинственного средневекового замка. «Замок» этот был в непосредственной близости от дома пионеров, где многие ребяташки, которым не посчастливилось летом быть в загородных пионерских лагерях, отдыхали в так называемом городском лагере. Я был в их числе. Развалины эти подвергались постоянно нашей исследовательской деятельности. Хотя исследования эти не очень поощрялись взрослыми, даже, наоборот, пресекались, так как находились эти развалины, а если более точно, стены без потолка и пола, формально на территории то ли пище-, то ли какого-то другого комбината, где делали лимонад. Напиток этот крайне редко попадал в наши мальчишеские рты по причине его относительной дороговизны (а скорее всего, по причине всеобщей бедности послевоенных лет), а поэтому очень ценился этими ртами.

Действующую же тюрьму, старинное кирпичное здание которой поражало своей величественной угрюмостью, я видел только издали. Внутри, к счастью, сидеть не пришлось. Но знаю, что и сей-

час там творятся страшные вещи и бывают страшные порядки. Не очень давно я был в гостях у своих родственников. Один из них, молодой ещё парень, который работал в этой тюрьме начальником караула, вернулся вечером домой чернее тучи, как принято говорить. От жены его, естественно, не укрылось это резкое изменение мужнина настроения в худшую сторону.

– Что-то случилось, Серёжа?

– Случилось. Неприятности будут мне большие, – мрачно сказал он и замолчал. Жена, зная его характер, не стала приставать тотчас же с расспросами, а накормила его ужином и даже налила рюмку водки, оправдывая этот свой шаг вроде бы нашим приездом. Серёжа вроде немного успокоился и коротко поведал причину своей печали.

Оказалось, что в этот день один из заключённых зарубил топором своего непосредственного руководителя – начальника гаража.

– За что? – спросил я.

– А просто так. Не понравился тот ему. А может, что-то сказал не так...

Но мой рассказ не об этой, живой, тюрьме, а о той, которой уже довольно давно нет, и с которой я познакомился в раннем детстве.

Как-то большие местные начальники решили избавиться от этого мозолящего глаза позорного наследия прошлых времён, а заодно из этого наследия построить пивоваренный завод. Был план – разобрать тюремные стены, из их кирпича построить завод. Но ничего не получилось. Не поддавалась царская кладка никакой разборке. Тогда решили всё это позорное наследие взорвать. Что и было сделано. Стены разрушились на громадные куски, объёмом до кубометра, с неровными краями. Использовать в строительстве такие неудобные материалы невозможно, но негоже оставлять без дела эти осколки ненавистного режима. Да и просто вывезти на свалку их было весьма проблематично, так как никаких погрузчиков и прочей большой техники под рукой не было, а техникой строительства египетских пирамид большие местные начальники не владели. Да и знали ли про эти пирамиды вообще?

Но завод надо строить. Есть уже план и сроки – запустить производство к та-

кой-то годовщине. И завод решили строить из другого кирпича, сделанного много позже свержения ненавистного самодержавия. Пока решались все эти организационные вопросы, мы, мальчишки, рождённые в начале той Великой войны, подросли. И достигли уже вполне работоспособного, с нашей точки зрения, возраста, то есть четырнадцати – пятнадцати лет. И поскольку летом никакой другой работы для нас не оказалось, мы с моим другом и соседом Венкой Щербакковым пришли наниматься в качестве строителей завода. Наша строительная квалификация, естественно, была равна нулю, поэтому нам поручили самые ответственные работы.

Первая работа. Нам дали восьмикилограммовые кувалды и приказали разбивать упомянутые выше огромные глыбы кирпичной кладки на мелкие кусочки, которые, по разумению тамошнего начальства, должны стать щебёнкой. Кувалды были для нас несколько тяжеловаты, но мы были крепкими ребятами, не особенно избалованными жизнью. Поэтому в тридцатиградусную жару, обливаясь потом, мы старательно долбили это жалкое уже наследие самодержавия. Но жалким оно было только на вид. На самом деле оно оказалось очень крепким. Как, впрочем, и политическое наследие – многие обычаи, привычки народные тех прошедших времён ещё долго-долго вытравляли из народа пришедшие к власти его «спасители». Наконец, всё-таки вытравили, воцарились новые порядки, в чём-то не очень уж и плохие. Но вот приходят к власти новые люди, и начинается вытравливание уже этих, бывших новыми, привычек и обычаев.

Мы очень старались, но получалось у нас как-то не очень ловко. Кирпичи никак не хотели откалываться друг от друга. Это был сплошной монолит, подобный огромному куску гранита, хотя отчётливо было видно, где кирпич (красный цвет), а где скрепляющий его раствор (белый цвет). Летели искры и пыль. И редко удавалось отколоть кусочек величиной со спичечный коробок. Причём откалывалось всё заодно – кирпич и раствор. Наших сил хватало на двадцать – тридцать минут такой работы (в кинофильмах так работали рабы на

каменоломнях в Древнем Риме). После чего мы делали маленький перерыв для отдыха, что, впрочем, не оставалось не замеченным каким-то мелким начальником, то ли мастером, то ли бригадиром. Этот здоровый мужик подходил к нам и весьма недружелюбно делал замечание:

– Ну, чего встали, лодыри! Работать надо!

Думаю, что у него не было своих детей, или служил он раньше где-нибудь надсмотрщиком (в концлагере, например). И мы послушно продолжали этот ненавистный труд несвободных людей.

Неокрепшие ещё ладони наши скоро покрывались мозолями (никаких рукавиц нам не давали), всё тело ныло от непосильной нагрузки. Так продолжалось до обеда, то есть до двенадцати часов. Домой на обед уходить нам не разрешалось, хотя жили мы совсем недалеко от этого проклятого места.

Но постепенно боли в теле нашем, подетски ещё не окрепшем, стихли. Мускулы наши наполнились новой силой, и нам удалось всё-таки разбить то страшное наследие царизма на относительно мелкие кусочки. Что уж потом сделали местные мелкие начальники из плодов нашего рабского труда, не знаю. Жизнь скоро унесла меня из тех, не таких уж и плохих, мест, появившись я там, правда, довольно часто, но судьбой тех разбитых нами обломков страшных прежних времён тогда не интересовался – были другие интересы. Это вот сейчас, в старости, когда отгремели громы любовных переживаний, когда уже не снится оскаленная пасть медведя около твоего горла, когда уже без надобности пылится та двухпудовка около пианино, которое тоже уже превратилось в ненужную вещь, проявился вдруг интерес к тем, казалось бы, незначительным, мелким деталям твоей жизни, как те, о чём я сейчас пишу.

Учитывая нашу высокую строительную квалификацию, нас перебросили на новый ответственный участок борьбы за досрочное введение в эксплуатацию завода по ликвидации недостатка в пищевой промышленности. Все эти события происходили задолго до печально известной горбачёвской «борьбы за трезвость». Тогда про эту борьбу никто вроде и не думал. Тогда не хватало всего, в

том числе и пива. Его, кстати, не хватало ещё очень долго, вплоть до развала Великой Российской империи, которая, правда, называлась уже Советским Союзом. А новый, очень важный участок той борьбы назывался забором вокруг, видимо, суперсекретного и суперответственного объекта, как представлялся он местным начальникам, – пивоваренного завода. Иначе зачем было копать ямы под фундамент забора этого предприятия глубиной около двух метров и шириной в метр?

Сначала, выслушав задание, мы обрадовались. Подумаешь – копать землю! Дело привычное – сколько земли мы перекопали на своих огородах! Но вскоре поняли, что грубо ошиблись в своей радости.

Обычная земля кончилась на глубине тридцати – сорока сантиметров, дальше пошла мерзлота. Почему так получилось – непонятно, ведь южная граница вечной мерзлоты проходит много севернее и восточнее того места, о котором идёт речь. Это я позже уточнил по картам и книгам. Но, может быть, тюремный двор, обильно политый слезами заключённых, промёрз так нестандартно, не оттаяв и через десятилетия? Или была другая причина – не знаю. Только ничего подобного в этих широтах больше мне встречать не пришлось, хоть земли я перекопал немало.

Мы долбили эту мерзлоту ломami, откалывая при каждом ударе по мизерному кусочку. Единственная отрада – в яме было не так жарко. Кстати, вот в те годы и было, видимо, это знаменитое глобальное потепление, о котором сейчас так много говорят и спорят, есть оно или нет его – на солнце было выше тридцати! Не буду спорить – не специалист. Однако думаю, что многое говорится в угоду политике и бизнесу (вспомните знаменитый «Киотский протокол»).

Но вот наступал долгожданный обед. Мы с трудом выбирались из глубоких уже ям и устраивались в теньке подкрепить наши силы скудными калориями, положенными в узелки нашими матерями. Мы сидели прямо на земле около какой-то то ли конторы, то ли цеха, не знаю, что это было. Внутрь нам заходить не разрешалось. Тут же обедали и

взрослые рабочие, не обращавшие на нас, недоросших до полной кондиции рабов, никакого внимания. Обычно это было пять-шесть молодых мужиков. Иногда среди них появлялась одна женщина. Чёрненькая, большеглазая – она казалась нам красавицей. Ей явно нравились грубые шутки мужской компании. В ответ на примитивные комплименты она жеманно улыбалась:

– Что вы, ребята, я уже старая.

Со стороны мужиков на это следовала похотливая нецензурная шутка:

– На эту бы старость да молодой...

Видимо, она казалась всем этим мужчинам, в том числе и нам (мы ведь тоже были мужчинами, хоть и не совсем, в силу своего малого возраста, полноценными), секс-бомбой. Хотя на самом деле это была обычная сорокалетняя бабёнка, ничего из себя не представляющая. Видимо, это закономерно – когда в большой компании молодых сильных мужчин появляется женщина (всё равно, какая), она кажется очень красивой и возбуждающей желание.

Так мы проработали месяц. На больше нас не хватило. Мы устали физически, да и тупой однообразный труд не вдохновлял нас, не давал никакого морального удовлетворения. А ведь мы в те отроческие наши годы с удовольствием играли на мандолинах и гитарах. И звуки музыки были ближе и сластнее для наших сердец, чем глухой удар кувалды по каменной глыбе.

Никаких документов по этой работе не заводилось. О каком-то сокращённом рабочем дне для несовершеннолетних и речи не было. При приёме на работу просто записали наши фамилии, даже не спросив у нас свидетельств о рождении. Никаких нарядов не заполнялось. Мы, правда, по своей детской наивности и не знали, что это положено было делать. Но расчёт нам всё же произвели. Правда, весьма хитрый. Заплатили нам по десять дореформенных рублей за проработанный день (что было для нас весьма неплохо), но половину суммы вычли в обмен на билеты первой денежно-вещевой лотереи. Согласия нашего никто не спрашивал. Просто вручили билеты и вычли соответствующую сумму. Таким образом, труд наш оказался на самом

деле рабским. Билеты наши, естественно, ничего не выиграли, а руки ещё долго побаливали от непосильного труда...

Мне, наверно, просто не везло. Сколько ни занимался подобным подневольным трудом (каждую осень в старших классах школы, потом во время учёбы в институте на месяц нас посылали в колхоз, дважды работал по месяцу строителем) ни разу ничего не удалось заработать. Сейчас как-то и не очень верится – как это, работать и ничего не заработать? А вот так. Не поедешь в сентябре в колхоз – выгонят из института. А ведь не затем я туда поступал, выдержав огромный конкурс! И мы ехали в колхоз. А после первого курса было ещё интереснее. Нас с однокурсником Юркой, ставшим потом доктором наук, оставили на месяц работать вместо «колхоза» на институтской территории в качестве слесарей-сантехников. Я был назначен бригадиром. Почему – не знаю. Выяснить причины было не принято, да и опасно. Могут подумать, что у нас не хватает трудового энтузиазма. А этот недостаток не поощрялся. Из института за это, может, и не выгонят, а вот со стипендии снять – это запросто.

То, что нам поручили делать, отнести к сантехнике можно было только при очень развитом воображении. Но работа оказалось очень «интересной»! Нам была поручена чистка канализационных отстойников. Вообще-то для этих дел существует специальная машина с цистерной. Опускается в отстойник большая труба, включается насос, и все отходы

человеческой жизни перекачиваются в цистерну. Может, таких машин тогда ещё не было, может, в институте не было на это денег, не знаю. Но поручили это ответственное дело нам с Юркой, вооружив нас ведром и верёвкой. Показали, что надо чистить и куда потом очистки девать.

Глубина отстойника около трёх метров. На его стене вертикальная узкая металлическая, естественно, очень скользкая лестница. По этой лестнице один из нас спускался вниз, черпал ведром полужидкую массу с весьма характерным запахом. Особенно «приятным» этот запах был в жаркий июльский день! Второй тянул это ведро за верёвку не поверхность. Входной люк в отстойник совсем небольшой, меньше метра. Ведро при подъёме, естественно, сильно колебалось и часто задевало за обод люка. При этом содержимое выплёскивалось из ведра, частично снова в отстойник, частично – на физиономию того, кто стоит на лестнице. В общем, удовольствие трудно описать. А ведь мы были студентами-медиками!

И за работу нам не заплатили ни рубля. А своих рублей у нас особо не было, поэтому ко всей этой весёлой работе прибавилось ещё и веселье от голода. Не знаю, была ли эта работа за совесть, а вот за страх быть выгнанным из института – это точно.

Вот так было в стране победившего социализма в начале второй половины двадцатого века.

А вы говорите – тюрьма!